

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

ЧУЖОЕ МЕСТО

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В27

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Соловьева*

Величко, Андрей Феликсович.

В27 Чужое место / Андрей Величко. — Москва :
Эксмо : Яуза, 2017. — 384 с. — (Героическая фан-
тастика).

ISBN 978-5-699-98605-7

Инженер из XXI века Сан Саныч Смолянинов, ставший цесаревичем Александром, вовсе не стремился занять должность императора. Трон должен был занять старший брат Николай. Но после почти одновременной смерти отца — Александра III — и брата пришлось брать на себя ответственность за Россию.

И оказалось, что он не зря чурался власти — для начала потребовалось навсегда расстаться с любимой женщиной и жениться на нелюбимой. А потом довольно большое количество людей из самых разных слоев общества страстно возжелало увидеть императора в богато украшенном гробу.

И что ему делать? Ведь нет ни планов, ни достаточного количества верных людей, ни... да ничего, в сущности, нет! Есть только, как случалось и в прошлой жизни, упование на поговорку «глаза боятся, а руки делают»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98605-7

© Величко А. Ф., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

ридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский, он же германский император Вильгельм Второй, задумчиво смотрел в окно на медленно проплывающие за ним осенние пригороды Берлина. До конца поездки оставалось немного, и поезд ощутимо замедлил ход.

Ну что за незадача у этих русских, который раз мысленно сокрушался Вильгельм. Только успел вернуться домой с похорон Александра Третьего, и почти сразу пришлось ехать обратно — хоронить Николая Второго. Жалко Ники, хороший был мальчик. В смысле политических взглядов его брат ничуть не хуже, а в чем-то даже и лучше, вот только... как там говорят русские... а, вспомнил: ему палец в рот не клади. Да уж, лучше не стоит. Хорошо хоть он отлично понимает всю сложность своего положения и готов принять необходимые меры. А то ведь дело может кончиться совсем плохо.

Сейчас намечающийся союз Германии и России для Англии, пожалуй, не менее опасен, нежели едва не состоявшийся союз Франции и России в самом начале текущего века. Сорвать его удалось, только

организовав убийство Павла Первого. Сами островитяне пачкаться не любят, предпочитают задействовать чужие руки. Тогда нашли недовольных Павлом, благо их даже особо искать не пришлось: на императора были обижены многие. Александр тоже не пользуется сколько-нибудь заметной любовью в высшем свете, но хорошо хоть, что по характеру это совсем не бедный Павел. Об такого можно невзначай и зубы обломать. Но все же опасность велика. Хорошо бы ему, Вильгельму, не пришлось примерять к себе возглас Наполеона, когда до него дошла весть об убийстве русского императора: «Англичане промахнулись по мне в Париже, но попали в Петербурге!»

Однако, дабы зря не дразнить гусей в столь сложной обстановке, они с Александром решили, что примерно на полгода движение в сторону сближения России и Германии лучше приостановить, ограничившись только совсем уж назревшими вопросами типа таможенных пошлин. Более того, было решено делать вид, что и личные отношения между императорами далеки от идиллических. Так, Вильгельм на свадьбу своей младшей сестры не поедет. Якобы потому, что не понимает такой странной поспешности Александра, да и вообще не одобряет женитьбу молодого императора именно на невесте своего только что скончавшегося брата. Ха, да чего ж тут, если вдуматься, не одобрять! Александр сразу нашел едва ли не идеальный выход из положения и для себя, и для него, Вильгельма. И даже для Маргариты, которой он, кажется, нравился не меньше брата еще до свадьбы. Просто Марго понимала свою ответственность перед рейхом и не давала воли чувствам.

ЧУЖОЕ МЕСТО

Кроме того, она слегка побаивалась Александра, но сейчас у девочки хватило ума согласиться на предложение мгновенно, не разводя обычных женских соплей. Хотя Людмила, присутствовавшая при этой сцене, сообщила, что Риточка упала его величеству на грудь и разрыдалась. Ладно на грудь — это ее личное дело, лишь бы побыстрее упала на то, что пониже. Александру срочно нужен наследник.

Против воли мысли Вильгельма свернули от высокой политики к несравненной Людмиле. Какая женщина, вот уж у кого есть за что подержаться! И в умениях ей не откажешь, а главное, она не пытается казаться умнее, чем ей положено от природы. Жаль, что она осталась в России, но ничего, он же туда наверняка приедет, и не раз. Да и Людмиле ничто не мешает иногда посещать Берлин, повод найти нетрудно.

Глава 1

Даже еще толком не проснувшись, я вспомнил, что сегодня какой-то особенный день, но вот в чем именно эта особенность, сразу сообразить не удалось. Для этого требовалось проснуться окончательно, а мне не хотелось. Все-таки я вчера и лег довольно поздно, и уснул далеко не сразу, потому как перед сном пришлось основательно поработать. Мне нужен наследник, вот я и прикладывал максимум усилий для его скорейшего появления. Рита тоже умаялась — обычно она вставала рано, а сейчас вон уже девятый час. И ничего, сопит потихоньку в две дырочки.

Ладно, хватит дрыхнуть, дел полно.

Я попытался встать, не разбудив бывшую мартышку, но это мне не удалось.

— Что, уже утро? — сонно спросила она. Потом глянула на большие часы, рядом с которыми у нас всю ночь горели две маленькие лампочки дежурного освещения. Две — это для надежности, лампы в этом времени были так себе и часто перегорали. Рита, как выяснилось, побаивалась спать в полной темноте,

а жечь всю ночь какую-нибудь лампадку я не хотел: продукты ее горения здоровья точно нам не добавляют. Да и мне свет не помешает из соображений безопасности, а то в полной темноте еще и пистолет не сразу найдешь в случае чего. Я, конечно, понимал, что это уже отдает паранойей, но на моем месте параноиком мог стать любой.

Рита тем временем откинула одеяло и совсем было собралась встать, но тут вдруг обнаружила, что она голая, ойкнула и подтянула край одеяла к подбородку. Да уж, это не Людочка и не Юля.

Поначалу Маргарита вообще считала, что сексом следует заниматься в ночных рубашках, причем сама надевала изделие, с моей точки зрения, более похожее на комплект химзащиты, нежели на деталь ночного туалета. Хорошо хоть, что от этого ее удалось отучить довольно быстро, и теперь супружеские обязанности мы исполняли в обнаженном виде, а потом Рита просила меня отвернуться и напяливала свою хламиду. Однако этой ночью она настолько утомилась, что уснула, не успев совершить обязательный ритуал.

— Алик, отвернись!

— А может, не надо? — предположил я. — Давай еще немного поработаем, а потом одевайся на здоровье и можешь не спешить.

Рита хихикнула. Она уже поняла, зачем неподалеку от кровати висит большое зеркало, но против не была. Главное, приличия соблюдены! Муж отвернулся, а про то, что так ему все видно даже лучше, в правилах ничего не сказано, и значит, можно одеваться неторопливо, в процессе чего принимать весьма интригующие позы.

В общем, утро немного затянулось, и вспомнить, чем таким особенным сегодняшней день отличается от всех прочих, удалось только за завтраком.

Отличие было довольно существенным — сегодня мне исполнялось девяносто лет. Мне — это имеется в виду не только Алику Романову, но и Сан Санычу Смолянинову вместе с ним. Шестьдесят восемь с половиной лет там, двадцать один с половиной года здесь — в сумме как раз получается круглая цифра. Правда, не такая, как будет через десять лет, но до той еще дожить надо, и не факт, что получится, а до этой вроде уже получилось.

Надо сказать, что все лично знакомые мне императоры тратили на управление государством значительно больше времени, чем я. Мой распорядок скорее напоминал тот, что был у Николая Второго в той истории, про которую я только читал. То есть с десяти утра и до двух — это максимум, но столь загруженные дни случались не так уж часто.

Вот только свободное время я проводил не так, как Николай в том варианте своей жизни. Я не торчал все время около жениной юбки, почти не принимал родственников и уж тем более не шастал к ним в гости, не бегал по парку с фотоаппаратом, не охотился на оленей и не стрелял ворон. Потому как тратить очень дорогое время на всякую ерунду я не любил еще в прошлой жизни. И уж тем более не собирался начинать в этой.

Доклады министров теперь принимались в письменном виде, за исключением четверых: Вышнеградского, Витте, военного министра Ванновского и председателя комитета министров Бунге. Все

остальные представляли свои отчеты в виде красиво оформленного документа. Я брал бумаги, благодарил очередного министра за усердие, а сразу после его ухода ко мне заходил кто-нибудь из секретариата и забирал доклад.

На следующий день его мне приносил Бунге. Первым делом я смотрел в правый нижний угол последнего листа, где оставлял краткую резолюцию глава моего секретариата Столыпин. Обычно там красовалось нечто вроде «С/Б 90», что означало «словоблудие на девяносто процентов». После чего поднимал взгляд, и Николай Христианович в нескольких предложениях пересказывал мне то, что, по его и Столыпина мнению, словоблудием не являлось.

То, что в результате текущее управление империей на самом деле осуществляли эти двое, меня волновало не очень. Во-первых, скоро управляющих станет существенно больше, это пока, в переходный период, их так мало. Во-вторых, я был убежден, что император вообще текучкой заниматься не должен. И не только потому, что это не царское дело. Главная причина — дела нужно поручать специалистам, работающим по заранее утвержденному алгоритму. А самодержец должен вмешиваться только тогда, когда задача, подлежащая решению, за рамки этого самого алгоритма выходит. Ну или в тех случаях, про которые Николай Первый как-то сказал: «Кроме закона должна быть еще и справедливость».

Так вот, после обеда я был более или менее свободен и мог заниматься тем, что считал наиболее важным. Здесь немалое место занимали вопросы личной безопасности.

Все оперативные работники канцелярии, или, точнее, «канцелярии», в поте лица наблюдали за революционерами. Причем как это у меня хватило ума не пытаться привлечь на свою сторону Владимира Ульянова! А ведь была такая мысль. И что бы я теперь делал, если только на пригляд за одним Морозовым, то есть теперь уже Коринным, были постоянно задействованы четыре человека? Да еще двоих-троих приходилось привлекать от случая к случаю. А вы что думали — человека, вполне заслуженно получившего пожизненный срок, после помилования можно оставить без плотного присмотра, несмотря на то, что его воззрения изменились? Это, дорогие мои, будет идеализм. Или, если по-простому, то дурость. Так вот, еще и Ульянова моя служба просто не потянула бы. Ей и без него хватало дел с теми, кто сейчас был действительно опасен. Причем это были не только революционеры, но и жандармы.

Насколько я себе представлял текущую обстановку, никто из великих князей, желающих лицезреть на троне вовсе не меня, а совсем даже Георгия, не обладал достаточной решительностью, чтобы самому возглавить заговор. Это были, мягко говоря, далеко не декабристы и даже не братья Орловы. Но вот с одобрением отнестись к тому, что всю работу за них сделает кто-то другой, они вполне могли. И почему бы тогда каким-нибудь карьеристам из жандармерии или даже гвардии не подсуетиться в расчете на будущие милости? Тем более что и англичанам я не больно-то приглянулся, да и французам тоже, а это означает, что у заговорщиков, коли уж они появятся, финансовых затруднений точно не будет.

Среди жандармов лично на меня пока работали только начальники московского и питерского охранных отделений. И если Бердяеву я верил, несмотря на то, что отношения между нами более походили на стандартные служебные, нежели на что-то более дружеское, то Секеринскому, с которым вроде как приятельствовал, — не очень. И не потому, что к этому меня склонили какие-либо подозрения или даже факты, а просто так. Вообще-то «просто так» — это на самом деле довольно весомый довод, но тут было еще одно соображение.

Даже ближайшие соратники — Рогачев, Рыбаков и Зубатов — и то после моего воцарения не сразу адаптировались. Петр Маркелович несколько дней подряд именовал меня исключительно императорским величеством и только после третьего напоминания, причем уже довольно раздраженного (ну вы еще мой полный титул зачитайте, совсем весело станет!), вернулся к обычному обращению «Александр». Михаил с Сергеем тоже начали было называть меня на «вы» и вернулись к обычному обращению лишь по моей просьбе, да и то не сразу. Секеринский же делал вид, что ничего особенного не произошло. Подумаешь, был великим князем, стал цесаревичем, теперь вон вообще император — что тут такого? В его обращении со мной по-прежнему чувствовался оттенок снисходительности. Оно бы и хрен с ним — я в этом отношении человек не гордый, но такое поведение в теперешнем времени было несколько нехарактерным. Поэтому обязанности я распределил примерно так.

Секеринский присматривал за питерскими революционерами, а Рыбаков по мере возможностей —

за ним. Михаил старался быть в курсе того, что происходило в высшем свете столицы — в основном через своих знакомых балерин и певиц, коих у него оказалось неожиданно много. Бердяев занимался московскими террористами, Зубатов ему помогал и, кроме того, по моему специальному указанию пытался разузнать, что связывает брата Жоржи с московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем.

Дело было в том, что братец как-то подозрительно зачастил в Москву. Ладно когда он остался там с раненой матерью — это было более или менее понятно. Но она давно вернулась в Питер и сейчас живет в своем Аничковом дворце. Теоретически и Георгий проживает там же, но больше половины своего времени он проводит в Первопрестольной. Чего ему там вдруг понадобилось? Меня, честно говоря, удивляло, почему Зубатов этого до сих пор не выяснил, и на всякий случай я поручил Рыбакову попытаться узнать, в чем дело.

— Нет нужды, Александр, — спокойно заявил мне канцелярист. — Я это и так знаю.

— Да? Очень интересно. Может, со мной поделитесь?

— Слушаюсь. Сергей не смог найти причин взаимного интереса вашего брата и московского генерал-губернатора просто потому, что этого интереса нет. Георгий ездит в Москву не к Сергею Александровичу, а к живущей там женщине. Насколько я знаю, он уже почти дозрел до того, чтобы просить вашего разрешения на брак с ней, но пока побаивается. Он знает, что вы всегда носите с собой заряженный пистолет.

Я пожал плечами — что за ересь? Если паче чаяния он соберется жениться на какой-нибудь неравнородной особе, а других в Москве сейчас нет, то чего в него тогда стрелять-то? Да его за это обнимать и целовать надо, ибо он теряет права на престол!

Но тут меня охватило ужасное предчувствие.

— Его женщина — это...

— Да, Александр. Марина.

У меня потемнело в глазах.

— Это ты все подстроил, старый интриган! — рывкнул я, потеряв самообладание.

Канцелярист молчал, а я, с немалым трудом взяв себя в руки, пробормотал:

— Извините, Петр Маркелович. Такая новость, что не получилось сдержаться. Я не хотел вас оскорбить, но узнать подробности все же хочу.

— Разве вы меня оскорбляли? По-моему, «старый интриган» в ваших устах — это комплимент. Хуже было бы, считай вы меня молодым недотепой. Подробности же состоят в том, что идея действительно была моя, но к исполнению в равной мере приложили руки все трое.

— Но почему обязательно Марина?!

— Потому что у любой другой не было бы шансов. Вы же знаете, как Георгий всю сознательную жизнь вам завидовал и мечтал хоть в чем-то превзойти! Сами мне рассказывали, а я потом проверил через прислугу. И против искушения отбить у вас любимую женщину он устоять не смог, а потом против ее обаяния — тоже. Ну а я взял на себя смелость от вашего имени пообещать Марине, что после того, как у вас родится второй наследник, вы признаете этот морганатический брак великокняжеским, вос-